

Искушения Христа и суд Париса

Сомсиков Александр Иванович

Рассмотрена возможность отождествления Христа и Париса

Новой Хронологией Фоменко-Носовского выявлено соответствие и даже тождественность якобы двух Троянских войн – средневековой XIII века н.э. и «античной» XIII века до н.э. [1].

Но в этом случае должно быть и сходство основных сюжетов, предшествовавших этим событиям или явившихся их причиной.

В частности историй Христа и Париса. Оба они являются причиной разразившейся впоследствии Троянской войны.

Оба не принимают в ней активного участия. Христос – по причине безвременной гибели, Парис – не слишком активной воинской доблести. Он больше специалист по части любви. Христос тоже говорит о любви, но только высшей, духовной, Парис же, наоборот, о личной и плотской. Оба ввергают мир в пучину страшной войны, один своей гибелью, другой – необдуманными действиями. Причем Парис тоже в итоге погибает.

Не станем сопоставлять сочетания согласных ХРС (Христос) и ПРС (Парис), поскольку это не убеждает, скорее, отпугивает и не одних только правоверных историков. Сопоставим только их жизненные сюжеты.

Сходство при этом простирается гораздо дальше.

Оба по рождению лишены *царских прав*.

Парис хотя и является *царским сыном*, но отвергнут *из-за предсказания*, угрожающего его отцу и царству. Поэтому его жизнь в опасности. Он, однако, спасен и воспитан *приемным отцом, простолудином*.

Через много лет уже взрослым является к своему кровному отцу, чтобы отстоять свои права. Приходит один, вынуждаемый обстоятельствами вначале спортивно одолевая других соперников. У него есть брат, являющийся наследником престола. Его признают царевичем и принимают при дворе. Хотя он и не становится царем, но очень близок к царскому трону. В дальнейшем своими действиями именно он вызывает войну и гибель Трои.

Рождение Христа, вроде бы *не являющегося* царским сыном, тоже почему-то вызывает необычное возбуждение и какие-то *опасения* именно у царя. При этом и сам он тоже считается *царской крови*, хотя и *отдаленно*. Подчеркивается, что его мать до замужества понесла «от духа свята». Его *приемным отцом* по внушению *свыше согласился* стать *простолудин* – плотник. Ему тоже грозит гибель и тоже вызванная *предсказанием*. Согласно которому он – будущий «царь иудейский». Поскольку на это уже при рождении указала звезда или может быть даже целый городок, возможно, специально заказанный трем волхвам.

Остается неясной причина царских волнений, вызываемых «сыном плотника». Если только сам он не

считал себя этим «духом». Зачем бы иначе расспрашивать предсказания волхвов по поводу неведомого младенца, *не принца*, которого нужно еще где-то искать.

Христос хотя и не лишался родителей, но они вынуждены бежать *из-за него* и много лет скрываться где-то в «Египте». У дальних родственников? Подальше от двора и «законных» претендентов на трон? По некоторым его фразам он не считает семью своим *истинным домом*.

Как оба они проводят первую часть жизни? До начала «общественного служения»? Ответ на это, по-видимому, дается словами самого Христа (Василия Великого) «жизнь их до подвига была подготовлением к подвигу».

Христос тоже появляется в Иерусалиме уже взрослым, вызывая этим слухи, волнения и какие-то опасения у власть предержащих. *Ищущим* как бы его погубить. Сына плотника? Что может быть проще?

Причем приезжает не сразу, а предварительно объехав ряд прилегающих территорий, уча при этом, как имеющий власть и силу. Ища союзников? И путешествует не один, а в сопровождении малой дружины в числе 12 человек. Туманно названных учениками или апостолами. Людьми разного возраста. Кто они были? Послы или воины? Или же те и другие? Раз сам он впоследствии был назван всего лишь сыном плотника, то и остальных тоже естественно было бы назвать, например, «рыбаками», среди которых вдруг неожиданно затесался еще и казначей – «мытарь». Что это еще за казна, откуда она взялась? А у одного из них с интересным прозвищем «Камень» в *нужный момент* неожиданно сверкнет в руке меч. Устройство, свойственное не «рыбакам», а скорее воинам. Некоторых из них в дальнейшем понадобилось даже казнить. Видимо оказались довольно влиятельными.

А после триумфа «царского» въезда в Иерусалим, внезапная катастрофа и страшная смерть. Путь из ниоткуда в никуда в лучах неувядающей посмертной славы.

Оба они до своего выступления с переходом в новое качество поставлены перед выбором из трех возможностей. Оба находятся на распутье, причем любой из трех возможных путей крайне опасен своими последствиями. Парис выбирает из трех богинь, Христос же – из трех искушений.

Это поистине роковой выбор, в обоих случаях ведущий к собственной гибели и Троянской войне. Не совпадает только порядок этих событий.

Итак, три богини Париса и три искушения Христа.

У Христа речь идет о понимании бога и определяемом этим выборе.

Главное искушение Христа – искушение всевластием. «Бог есть власть над всем миром». В варианте Париса это соответствует богине Гере. В обоих случаях это отвергнуто.

Другие евангельские искушения (обратить камни в хлеба или знать, что не разобьешься) фактически слились в одно – искушение *везнанием*. «Знание – сила, а незнающий пребывает в ничтожестве». Соответствует Аффине.

В обоих случаях тоже отклонено.

В варианте Христа эти искушения выглядят неоднозначно. Обращение камней в хлеба. С подчеркиванием того, что сам он напоследок взалкал. В чем собственно состоит преодоление этого искушения? Разве не этим он занимался, наполняя из ниоткуда пустые корзины рыбами, обращая воду в вино и оживляя трехдневно умерших? Это ли не примеры сверхзнания и «ноу хау»?

Ну, а хождение по воде и искушение уже им самим, но только Петра, с призывом «не сомневаться», чем оно отличается от предложения броситься вниз со стены?

Считается, что он так ничего и не выбрал. Так сказать проголосовал «против всех». В чем же тогда состоял смысл его 40-дневного пребывания в пустыне? Какой же все-таки выбор он должен был сделать? Действительно ли этот выбор не состоялся? Вопрос остается без ответа. Ответ неожиданно обнаруживается именно в варианте Париса. Прежде всего, уточняется третье, последнее искушение. Это искушение «любви».

В самих Евангелиях *третьего не дано*. Точнее оно не названо, изъято или заменено. Хотя оно в них определенно имеется, и даже сохранено, но только лишь в другом месте. Как раз оно – это третье «искушение» и было им выбрано.

Видимо это и было то самое предложение любви, о которой говорится в варианте Париса.

Выбор Христа известен – «бог есть любовь и пребывающий в любви пребывает в боге». Это соответствует Афродите.

У Христа это конечно высшая, духовная любовь. У Париса же наоборот низшая, плотская любовь. Любовь как «занятие». Представленная женщиной, которую «все хотят». Источник разврата, сеющий смуту, раздор и войны.

Ясно, что перед нами одна та же история, но лишь рассказанная с противоположных позиций. Духовный выбор Христа окарикатурен плотским выбором Париса.

История Париса это *антиевангельская* светская версия западных диссидентов XIV – XV веков, противостоящая духовному выбору «восточных ортодоксов». Постепенно опускаемая в иллюстрациях до выбора одной из трех голых «богинь», затем и вовсе превратившихся в трех «граций», неразличимых между собой (т.е. это уже выбор без выбора). Обычное требование «свобод». Причем исключительно *половых*. Начисто исключаящими духовную составляющую.

О какой любви у Христа идет речь? Ныне ритуально повторяется, что наивысшая возможная этика выражается законом Моисея: «возлюби ближнего своего как самого себя». При этом избегается обсуждение таких вопросов:

– является ли наивысшим возможным видом любви *себялюбие*?

– как соотносится любовь к ближнему с «не ближними»?

Ответ самого Христа выглядит неожиданным: «а я вам говорю – любите врагов ваших». Из этого следует, что, во-первых, «не ближние» считаются врагами, а, во-вторых, что их следует вовсе не «возлюбить», а наоборот безжалостно уничтожать всеми доступными средствами.

Это идеология «Коза Ностры», тоже требующей возлюбить ближних – членов «семьи», преспокойно убивая при этом всех прочих – «не ближних».

Но все же светская история Париса в какой-то степени поясняет евангельскую историю. В совокупности обе они дают более полное представление и понимание отдаленных евангельских событий, с учетом естественных искажений при рассмотрении сквозь призму различных пристрастий и политических партий.

История Христа находит свое отражение порой в самых неожиданных проявлениях, в частности детских играх (личное наблюдение автора 50-х годов XX века).

Одна из них имитирует, конечно, без всякого понимания эпизод из страстей Христовых.

Один из играющих изображает самого Христа, остальные – «латинян». «Христос» отворачивается и подкладывает правую руку под левую подмышку ладонью наружу.

«Латиняне» располагаются сзади. Один из них с юмором из всех сил бьет по выставленной из подмышки ладони (отбивает его *правую* руку).

После чего все *весело* выставляют вперед одну руку с поднятым вверх большим пальцем. Обозначая этим лозунг «живи и радуйся».

Ударенный поворачивается и должен *угадать* ударившую его руку. В случае правильного указания, ударивший и ударенный меняется местами. А в случае неправильного – удар повторяется, но бьет по очереди кто-то другой.

Это имитация избияния Христа с глумливым требованием «прореки!» [2].

Со времени его гибели истекло уже 800 лет, сменилось более 30 поколений, а дети все еще играют в страсти Христовы. Поистине удивительна эта судьба.

«Икар», стремительно взлетевший к самому Солнцу, чтобы впоследствии рухнуть вниз и бесславно погибнуть. Увлекая за собой тысячи и тысячи простых людей, которых он якобы должен был защитить или «спасти». Пришел, чтобы пострадать за НЫ, то есть МЫ, и в этом ему слегка помогли. Другим же людям, пришлось при этом волей-неволей разделить эту судьбу.

В новое время эта история стала несколько заслоняться другими подобными же взлетами и падениями – Лжедмитрия, Наполеона и Гитлера. Тоже взлет из ниоткуда и тоже падение в никуда. Резкий исторический перелом и миллионы попутных жертв. Смысл которых виден только издалека. Но та история была первой, и память о ней все еще сохраняется.

Но даже она постепенно истончается и тускнеет. Заканчивается затянувшееся прощание со Средневековьем. Старые византийские русско-турецко-латинские разборки, их жертвы и победители уже мало кого волнуют.

www.esa-conference.ru

Могут ли они заинтересовать, к примеру, китай- цивилизацией. Настали иные времена, другие
цев, с их собственной самодостаточной имперской народы пишут свои неожиданные сюжеты.

Литература:

1. А.Т. Фоменко «Античность – это Средневековье». СПб, издательский дом «Нева», 2005.
2. Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко «Царь славян». СПб, издательский дом «Нева», 2004, с .188.